

Анны Ахматовой и других известных русских и зарубежных писателей.

Для тех, кто, например, знает Маяковского только из книг и никогда не видел его, беглый карандашный набросок художника расскажет о поэте значительно больше, чем целая папка документальных фотографий.

«Не забывай мелочей,— говорил Достоевский,— главное, не забывай мелочей, чем меньше черта, тем иногда важнее».

И художник неотступно следует этому совету. Точная передача сходства — еще далеко не все. В портрете главное — это умение проникнуть в сложный внутренний мир человека. Мастер виртуозного штриха, прирожденный график, Юрий Анненков изучает каждую складку лица, внимательно наблюдая за своей натурой, а затем творчески перерабатывая накопленные впечатления. Анненков учился в Петербургском университете и одновременно в частной художественной школе. А еще через несколько лет уехал во Францию совершенствовать свое мастерство.

Вернувшись в Россию, художник довольно скоро завоевал признание, и уже самые первые его шаги в искусстве были сразу же отмечены взыскательной петербургской критикой.

Анненков пишет портреты, иллюстрирует книги, увлекается театральным искусством, создает огромное по масштабам декоративное панно «Взятие Зимнего дворца» и даже выступает в роли режиссера-постановщика массового народного зрелища на Дворцовой площади в 1917 году, вскоре после Октябрьского переворота.

Широкую известность в литературных и художественных кругах и всеобщее признание принесла ему серия замечательных иллюстраций, сделанных к «Двенадцати» — классической поэме Александра Блока.

«Рисунков к «Двенадцати» я страшно боялся и даже говорить с Вами боялся,— признается Блок в своем письме к художнику 12 августа 1918 года.— Сейчас, насмотревшись на них, хочу сказать Вам, что разные углы, части, художественные мысли — мне невыразимо близки и дороги... Просто ничего подобного не ждал... И думаю, если бы мы, столь разные и разных поколений, говорили с Вами сейчас, мы многое сумели бы друг другу сказать полусловами...»

В 1921 году художнику посчастливилось сделать портретный набросок В. И. Ленина в его кабинете в Кремле. Вот что сообщил мне об этом автор — Юрий Павлович Анненков:

«...Я получил от Московского Совета предложение написать с натуры портрет Председателя Совнаркома В. И. Ленина, давшего на это согласие. В назначенный день меня отвезли в Кремль, и, как только я показался в дверях кабинета, В. И. Ленин вышел ко мне навстречу и, приветливо улыбаясь, сказал, пожимая мне руку, что он почему-то себе представлял меня гораздо старше. Пригласил сесть, устраиваясь поудобнее. Позировать он не любил, и потому мы условились так: он будет заниматься своим делом, а я своим, и мешать друг другу не будем.»

РЕВОЛЮЦИЕЙ РОЖДАЕТСЯ

Сейчас есть много способов и средств для того, чтобы сохранить в памяти поколений выдающиеся события и лица: фотография, телевидение, кино. Но даже самый совершенный объект при всех неоспоримых достижениях современной техники не в состоянии заменить талантливого художника-портретиста. Вот почему непреходящую ценность представляют для нас запечатленные рукою современников образы людей, с именами которых неразрывно связано рождение нового мира, и в первую очередь облик того, кто возглавил Великую Октябрьскую революцию и первое в мире социалистическое государство.

Широкий круг людей самых разнообразных

биографий предстает перед нами в портретной галерее одного из виднейших мастеров современной графики, Юрия Павловича Анненкова.

«...И если иные, изображенные мною лица,— говорит художник,— запечатлели себя в истории наших дней, а иные обречены на безвестность, то все они без изъятия отмечены одним и тем же знаком — революцией, и все они служат мне живым напоминанием о тех трагедиях и надеждах, падениях и подъемах, путем которых нам суждено было пройти вместе...»

Не так давно мне довелось писать об этом своеобразном и разностороннем художнике в связи с его натурными зарисовками А. М. Горького, Анри Барбюса, Владимира Маяковского,

И через минуту Владимир Ильич с головой погружился в работу. То и дело вспыхивала сигнальная лампочка на столе, Ленин брал трубку, говорил по телефону, читал и подписывал служебные бумаги, принимал посетителей, выслушивал доклады — словом, вел себя так, словно никого из посторонних в его кабинете и не было.

Мы почти не разговаривали с ним, — вспоминает художник, — было некогда и отвлечься не хотелось. В конце второго сеанса в комнату вошла Надежда Константиновна и, приветливо поздоровавшись со мной, спросила с улыбкой, не хочу ли я «глотнуть чайку». Я поблагодарил за внимание и, не желая задерживать ее, от чая отказался.

После смерти Владимира Ильича в числе других мероприятий по увековечению памяти вождя решено было устроить с привлечением крупнейших художников Всесоюзный конкурс на создание лучшего портрета для денежных купюр и почтовых марок. Анненковский портрет был прамирован, и гравюра, выполненная с него, хранится по сей день в Музее Гознака в Москве.

Ни один из существующих портретов Ильича, по авторитетному свидетельству близко знавших его людей, не передает Ленина таким, каким он был в действительности. На всех фотографиях он разный. Это объясняется, как известно, удивительной подвижностью ленинского лица. Высокий лоб, занимаемый Ильичем, не изменил его внешнего облика, и фотообъектив, направленный на одну из величайших фигур в истории человечества, фиксировал ничем не примечательную на первый взгляд невысокую фигуру просто одетого человека. Совсем другое дело, когда фотографам удавалось запечатлеть Владимира Ильича в движении. Большой интерес в этом отношении представляют немногие сохранившиеся моментальные снимки, сделанные во время выступления В. И. Ленина.

Но в отличие от снимков карандашный штрих стремится прежде всего уловить характерный жест человека, присущие одному ему характерные черты. Ленин специально никогда не позировал, поэтому художникам было очень нелегко передать в натурной зарисовке даже простое сходство. А Юрию Анненкову удалось.

тые усы и коротко подстриженную бородку...

Сегодня воспроизводится несколько портретов ближайших сподвижников Владимира Ильича, долгие годы бок о бок работавших с ним еще во время революционного подполья и эмиграции. Среди них превосходный портрет одного из ближайших соратников Ильича, Председателя ВЦИК Якова Михайловича Свердлова. Художнику удалось зарисовать его в Кремле, во время заседания, когда Свердлов сидел за председательским столом. На других портретах изображены: В. А. Антонов-Овсеенко, легендарный герой Октября, один из руководителей военной организации ЦК в решающие дни великих событий; Лев Борисович Красин, выдающийся дипломат и государственный деятель, с которым художник познакомился в Париже, когда Красин прибыл во Францию в качестве полномочного представителя СССР.

И, наконец, мы видим здесь одного из самых образованных людей нашего времени, чертовски талантливого, по словам Ленина, человека — Анатолия Васильевича Луначарского, блестящего оратора, публициста, литературного критика, ученого и дипломата.

Луначарский высоко ценил портретное мастерство одаренного художника и свое собственное изображение работы Ю. Анненкова считал самым удачным. Когда в Петрограде более сорока лет тому назад вышел в свет альбом портретов Анненкова, Анатолий Васильевич писал в предисловии к альбому:

Я. М. СВЕРДЛОВ

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

В. А. АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО

Л. Б. КРАСИН

Ю. Анненков в студии

ДЫНАМИЧНЫЕ ШТРИХИ

Динамичные, необычайно выразительные портреты его вводят нас в атмосферу напряженной ленинской мысли, раскрывают внутренний мир вождя. На одном из рисунков Ленин изображен на фоне красного стяга с советской эмблемой и знаменитыми словами из Коммунистического манифеста: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Портрет предназначался для журнальной обложки, и рисунок поэтому сохранил приметы времени: фигуры красноармейцев в шлемах, контуры кремлевской архитектуры... На первом плане мы видим хорошо знакомый ленинский облик: высокий лоб, характерный излом бровей над широко расставленными глазами, умевшими видеть будущее на много десятилетий вперед, рыжева-

«Редко приходилось видеть мне за всю мою жизнь листы такой красоты и такую факсимильную передачу столь тонких в художественном отношении произведений... И не знаешь, чему больше дивиться в этих превосходных портретах: их глубокому реалистическому содержанию или искусной ковке плоскостей, из которых виртуозно строят свои образы этот художник-конструктивист».

И сегодня, спустя много лет после того, как талантливым русским художником были созданы эти выразительные документы времени, с огромным интересом вглядываемся мы в незабываемые черты нашего Ильича и его сподвижников.

С. БУРДЯНСКИЙ

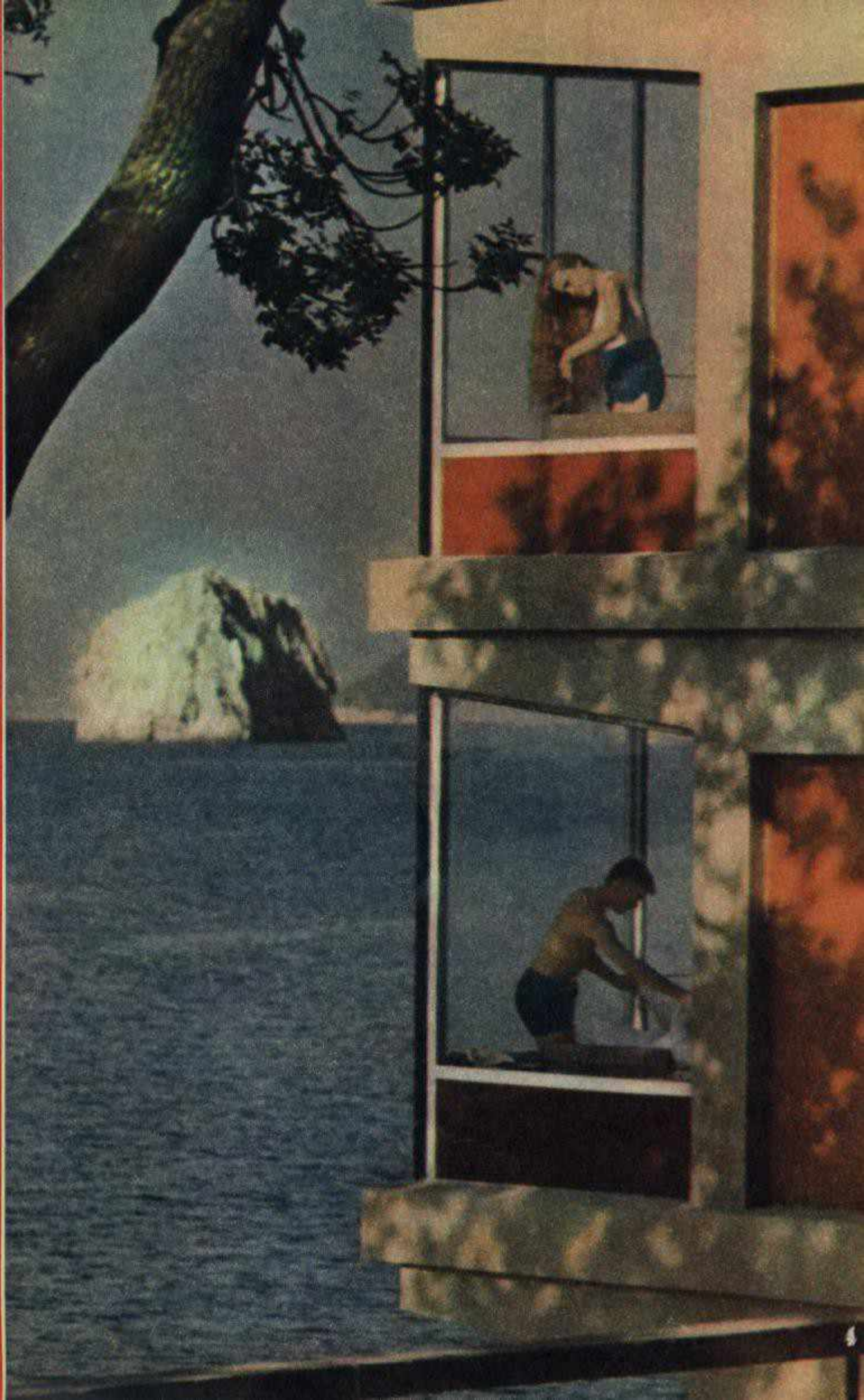
ОМНЕ

№ 8 (910)

АПРЕЛЬ

1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

МУСА ГАЛИ

ПОЭМА

Сибирь, Сибирь,
снега и хвоя,
Хребты и сопки без конца.
Твое дыхание ледяное
Жгло наши души и сердца.
От белой стужи кони ржали,
И киут свистел по верху голов,—
Брели снегами каторжане
Под горький грохот кандалов.
И небо низкое качалось,
И над тайгой висела тьма.
И свету белому казалось,
Что ты — бескрайняя тюрьма,
Что ты, Сибирь, конец планеты,
Где только выюги,
Только льды,
Где даже северное лето
Не ограждает от беды;
Где круглый год стоят морозы
И солнце кроют облака,
Где вдалеку идут, глотая слезы,
Сыны и внуки Ермака.
Но знали вечные солдаты,
Готовя к битве топоры:
Твоя края цветут крылато,
Но безмянно до поры!

...Просторы звездные висели
Над неоглядной стороной.
Блестали латы Енисея,
Переливаясь под луной.
Неслись стремительные сани,
Чуть колокольцами брэнча,
Под золотыми небесами
Везя из ссылки Ильича.

Он видит четко:
Будут вёсны
Над миром, над Россией всей,
И будут плыть земные звезды,
Роняя блестящие искры.
Пусть тяжело пока России —
Ее пока гнетут царя.
Но уж видны лучи косые
Сибирской вздыбленной зари.

Поэма печатается с сокращениями
Акидель (башкир.) — река Белая.

И тишь осядет отогреться
В цветы сибирской стороны...
И лишь в его
огромном сердце
Вовек не будет
тишины.

Между скал и уступов уральских,
Наклоня над волнами ель,
Отражая таежные краски,
Голубая течет Акидель.
И, владенья свои озирая,
Свысока посредине села
Дом муллы — цитадель Ахун-бая —
Над долиной воздет, как скала.
И живет, недоволен собою,
Славный парень, чье имя Сальман.
Кулаки он сжимает до боли
И мучительно смотрит в туман,
И, к долинам родным обращаясь,
Говорит он негромко с тоской:
«Где ты, счастье,
Когда повстречаюсь,
Наконец повстречаюсь с тобой?
За какими такими горами
Я тебя наконец отыщу!
Я люблю скалу или камень
На дороге к тебе сворочу!»

Все степь да степь,
Отваливая дерь,
Скрежещет плуг и душу донимает.
Сальман в степи идет, от солнца

Соленным ветром губы обжигая,
...Но стой! Зачем ты пошатнулся,
Что покачнулась тень твоя над полем!
Разжала воюжи смуглая ладонь,
Откуда знать,
Что конь смертельно болен!
Конь! Ты не понимаешь ни черта.
Ты должен жить!

Но опустилась грива...
И гаснула еще одна мечта,
И борозда молчала сиротливо.

Скользят лениво облака,
Идет над миром синий вечер.
«Приди, приди, Алмабика,
О, выйди, милая, навстречу!»
Поет незримая река,
Огни в деревне поредел.
«Приди, приди, Алмабика,
С глазами звонче Акидели».
И ели шелестят слегка,
Продрогнув в тоненьких одеждах.
«Приди, приди, Алмабика,
Моя последняя надежда».
Но в тишине, пронзая тьму,
Ударил гром. И стихли струны.
«Сальман! Сальман, твою Алму
Увез и себе сынок Ахуна».
Проклятье! Стынет в сердце кровь.
Алма, Алмабика, о где ж ты!..
«Спасем, друзья,
Мою любовь,
Мою последнюю надежду».

...Овчарок лязгали хлыки,
А слуги из винтовок били.
Сжимая в злобе кулаки,
К реке джигиты отступили.
А черной ночью перед петухами
Алмы подруга прибежала в дом
И, тяжело переводя дыхание,
Расплакавшись, поведала о том,
Что в доме бая слуги бьют тревогу.
Стоит содом в господском терему
И злые люди рыщут по дорогам
И ищут убегающую Алму.
Так повидать она тебя хотела!
Но всколыхнулись поисков огни.
Лишь слова два она сказала

И ты, Сальман, послушай. Вот они:
«Когда нужна, ищи меня,
В седых горах ищи меня и верь.
Ищи меня в долине тололной,
Где волны катит нежная Идель».

И в ту же ночь — на ветреном
рассвете
Сальман ушел, сомненья прогоня,
Искать свою любовь на белом свете,
Свою мечту да верного коня.
Все прахом пало
В той деревне милой:
Нет девушки, которую любил,
И нет земли.
Лишь ветер над могилой
Его отца. Да терпкий чернобыл.
Он не уронит в этом мире чести,
Нет, в жизни счастье он не
проглядел.
«Алмабика, с тобой мы будем
вместе,
Клянусь рекой по имени Идель».

Уфа, Уфа...
Она сжимает зубы;
Над ней трубит и кружит воронья.
И капитал дымящиеся трубы
Вознес над безысходностью ее.
Слетают годы,
Словно листья, годы,
И времени все яростнее крен,
В ногах у гор растет тревожный
горы
В предчувствии великих перемен.
...Пришел январь, январь начало века,
Мороз трескучий жадно лица жжет.
Ульянов
сквозь прищуренные веки
Глядит на небо — синее, как лед.
Уфа подобной станет этой сини,
Где каждый счастье и мечту найдет.
Ну, а пока Уфа, как вся Россия,
Устало дышит
И чего-то ждет.
Глухие переулочки протянулись,
Ползут вслепую улицы, соля.

Идет Ильич вдоль узких серых улиц,
Вдоль улиц горемычных,
как судьба
Жандармская, затем — Сторожевая,
Тюремная... Плывут названия тьмой.
Судьбе большой страны под стать
названия
Клейменные жандармом и тюрьмой.

...Вот мещанин сквозь зубы
захехекал
Простуженно и нагло дребезжит:
— Ну, господи,
а ты отшель приехал!
Уфа и так студентами кишит.
Бунтуют все, гудят пчелиным роєм,
На митинги бегут, судачат зря.
И каждый ищущий мнит себя героем,
Кричит, поносит батюшку-царя.
Ты умный с виду:
Все волнения мигнут.
Пусть зарубили б на носу себе:
Кому-кому, а им престол

не сдвинуть,
Ну разве счастье есть в борьбе!
— В борьбе!
В борьбе высокой, но суровой,
Где человек воспрянет из раба!
И мещанин ушел, дрожа от слова,
Летящего над городом:
Борьба.

На некрашенных стенах усталые тени
метались.
Тихий шел разговор. А Сальман все
на двери глядел:
Люди ждали его.
И казалось: войдет сейчас старец
С просиявшим лицом, поседевший от
ссылок и дел.
Ну, а может, войдет утомленный,
больной, горемычный,—

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КПСС

Год издания сорок второй
Выходит два раза в месяц

8 010 АПРЕЛЬ
1965